знатной породы и великолепно одевались, то я, видя отменную некоторых вельмож ко мне милость и надеясь от них вспоможения, вошел в немалые долги и наделал на себя платья, чтоб честолюбию моих повелителей удовольствовать».[41]

Однако надежды на «вспоможение» оказались тщетными, и Эмин должен был сам заботиться о своем благополучии. Одолеваемый кредиторами,[42] он одновременно со службой в Коллегии иностранных дел устраивается преподавателем итальянского языка в Сухопутный шляхетный кадетский корпус и в Академию художеств,[43] а затем начинает зарабатывать на жизнь литературным трудом. «Жалованье, которое я получал, — писал он впоследствии, — больше раздражняло, нежели утолить могло мой голод; тогда я, не зная каким образом промыслить себе кусок хлеба, начал упражняться в сочинениях».[44]

---

[41] Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла... СПб., 1763, с. 213.

[42] По умению занимать деньги Эмин фигура примечательная. В сентябре 1763 г. был опротестован вексель, выданный им «торговому иноземцу» Иоганну Готлибу Циземеру на 100 рублей (ЦГАДА, ф. 1239, ед. хр. 52038, л. 28, 48); в феврале—марте 1764 г. сразу семь векселей: от петербургского купца Федора Кружевникова на 120 и 106 руб., галицкого купца Алексея Галушина на 125 руб., петербургского купца Ивана Андреева сына Одноушевского на 130 руб., нерехотского купца Михаила Пастухова на 104 руб. 73 коп., солигалического купца Якима Серебрякова на 26 руб. 70 коп., «галанского» купца Андрея Андреева сына Будышки на 172 руб. 46 коп. (там же, л. 21 об. и 46 об.); в сентябре 1764 г. от приказчика обер-директора Саввы Яковлева Василия Дружинина на 27 руб. (л. 23) и петербургского купца Ивана Большого Пикина на 43 руб. (л. 24); в августе 1765 г. от обер-директора Михайлы Яковлева на 240 руб. (л. 55); в ноябре 1766 г. от петербургского купца Андрея Гаврилова сына Гвоскова на 100 руб. (л. 58). Донесения о взыскании с Эмина долгов см. также: ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 36, ед. хр. 100, л. 30; ед. хр. 102, л. 48 об., 107.

[43] Имеющиеся свидетельства ограничивают пребывание Эмина в Сухопутном кадетском корпусе 1762—началом 1764 г. 12 августа 1762 г. для него выписывали «грамматику итальянскую с французским» и «лексикон с французскаго на итальянский» (ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, ед. хр. 3172, л. 49); 5 октября он требовал для кадетов бумагу (ед. хр. 3173), 16 декабря — «грамматик российских с итальянским 40» (ед. хр. 3175, л. 1). 6 февраля 1763 г. И. И. Шувалов по представлению Ф. Эпинуса распорядился за «прилежность» Эмина и «успехи в его обучении» прибавить к его жалованью 50 рублей (ед. хр. 3200, л. 3—3 об.). 28 января 1764 г. вместо Эмина преподавателем итальянского языка был взят Венедикт Майер (ед. хр. 3185, л. 26). В Академии художеств Эмин начинает служить в 1763 г. (Серман И. З. Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII века. — В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 208. Еще в октябре 1762 г. учителем итальянского языка значился Иван Тихомиров: ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 15, ед. хр. 5, л. 71), упоминается в списках преподавателей 26 апреля 1763 г. (ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 15, ед. хр. 9, л. 26), а первого мая был уволен, поскольку множество дел по Коллегии не позволяло ему «посещать классы» (Майков П. М. Иван Иванович Бецкой. СПб., 1904, с. 463).

[44] Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла..., с. 213. Имущественные дела Эмина несколько поправились после того, как в конце 1763 г. он определился переводчиком в Кабинет императрицы («у переводу случающихся по Кабинету текущих дел и книг». ЦГАДА, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 47, ч. V, л. 230) и не только стал сочинять по должности, не только издавал свои